

Евгений
Светланов,
народный артист
СССР, председатель
оргкомитета
по проведению
юбилея
П. И. Чайковского

Andante non troppo e molto maestoso

год
П. И. ЧАЙКОВСКОГО

Сов. перевод Р. - 1990 - 6 экз. - с. 1.

Великий сын России

ТАК уж распорядилась история: подряд, один год за другим, мы отмечаем рождение титанов художественной мысли — наших крупнейших музыкантов, которые стали гордостью, знаменiem русского, мирового искусства. Только что мы завершили празднование юбилея Мусоргского, сейчас наступил объявленный ЮНЕСКО год Чайковского, следующий, 1991-й — год Прокофьева. Какие великие имена сынов России! Мусоргский, Чайковский и Прокофьев.

Бесценный подарок уготовила нам судьба, и мы должны сделать его достоянием миллионов людей, раскрыв им сокровища гениальных творений, оставленных нам в наследство.

Сегодня мы начинаем перелистывать новые страницы истории — года Чайковского. Называя это имя, кажется, трудно найти что-либо в определениях, характеристиках, эпитетах, в выражении восторгов и любви, добавляющее к множеству слов, что были произнесены и написаны о нем ранее. Немногим более четверти века отдал этот художник своему высшему предназначению — музыкальному творчеству, но и этого срока хватило, чтобы принести всенародную славу русскому искусству, русской культуре.

Как ни дико, но порой слышится чей-то одиночный, в моем восприятии невразумительный, жалкий голос то-

го, кто пытается доказать, что Чайковский «устарел», «скучен», «несовременен» — есть подобные «новаторы»! Естественно, их голоса тонут в океане восторгов, признаний в любви, которыми окружено имя Чайковского. И ведь как никогда ранее этот композитор нужен современникам: в водовороте бешеного темпа жизни, ошеломляющего потока информации, среди общей стандартизации мыслей и чувств, «валовой системе» изготовления продукции массовой культуры человек тянется к отдохновению, к красоте, к глубокой искренности, естественности мелодической речи — ко всему, что проникает в душу, что затрагивает сердце, одним словом, к тому, чем отмечена музыка величайшего автора.

Сов. музыка. 1990. - 6 июля. - С. 15.

Великий сын России

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

НАСЛЕДИЕ Петра Ильича — всеобщее, не только наше национальное, но и мировое достояние. Музыка его чрезвычайно популярна, любима и в Советском Союзе, и далеко за его рубежами. По статистике — он один из самых-самых исполняемых композиторов, он входит в первую пятерку известнейших авторов. Но, увы, когда мы говорим о репертуарности его сочинений, мы упускаем одну весьма существенную и весьма досадную подробность: не по злому умыслу, не по каким-то обоснованным причинам, а в силу инертности, может быть, лени, привычки следовать сложившимся стереотипам мы «любим» одно и то же из огромного числа написанных Чайковским сочинений. Мы, исполнители, любим их играть, а публика, соответственно, слушать. Это заколдованный круг, из которого очень редко кому удается выбраться. Однако, когда выбираешься за его границы, обнаруживаешь поразительное богатство и разнообразие. Как бывает, подивившись на одну громадную вершину целой цепи гор, взору предстают другие, не менее высокие вершины, которые долгие годы были тебе неведомы, о существовании которых ты и не подозревал.

Такое происходит и с музыкой, в частности, с музыкой Чайковского. Мы знаем и любим не более одной пятой части его творчества. Не более! Этим я отнюдь не хочу сказать, что все у него равно гениально. Но любые произведения, созданные гением, даже ранние, написанные в студенческие годы еще в консерватории, я предпочту хорошо сделанной, нудной, серой, никому не нужной симфонии какого-нибудь уважаемого, маститого автора. Потому что гений есть гений, и отпечаток этого в чем-то непременно проявится. К примеру, вспомним ранние и неизвестные, только теперь открытые Геннадием Николаевичем Рождественским страницы Шостаковича.

А сколько открытий для себя самого сделал я, работая за записи всей русской антологии симфонической музыки. 30 лет ушло на этот труд, законченный в 1989 году. Даже не верится, произносить страшно, но тем не менее это осуществлено: вся симфоническая русская музыка, включая и балеты, и фрагменты из опер, все, что сочинили авторы, мною записано. И я невольно вспоминаю сейчас недавние работы по Чайковскому, которые являются одними из самых ярких страниц этой антологии. В самом деле, как можно не вспомнить такие шедевры, как две ранние увертюры (фа мажор и до минор), как увертюра «Гроза» (по Островскому), симфоническая поэма «Фатум», увертюра-фантазия «Гамлет» и фантазия «Буря» (по Шекспиру), баллада «Воевода». Между прочим, эта баллада идет всего-навсего 12 минут, но что это за музыка — она, ей-богу, выворачивает душу. Фрагменты из опер Чайковского, танцы из его опер, увертюры, интермеццо, антракты из всех 9 опер (запомните это число — девять! А сколько из них идут на сценах наших театров?) — какое наслаждение получил я от всего этого. Грандиозно!

Мне вспомнилось сейчас, как мы с Эмилем Григорьевичем Гилельсом подготовили три фортепианных концерта Чайковского. Это тоже было огромным событием в моей жизни: ведь Первый концерт знают все, а вот Второй и особенно Третий, к сожалению, почти не звучали. Конечно, легче исполнять то, что все знают и любят, то, чему гарантирован заранее успех: к

знакомым произведениям, к узнаваемым мелодиям слушатели всегда благосклоннее, а вот быть «первооткрывателем» куда труднее.

Напомню конкурс Чайковского, тот год, когда обязательным произведением для каждого его участника назвали Большую сонату. Поначалу показалось несколько скучноватым выслушивать ее у каждого выступающего пианиста. Однако как только попался талантливый исполнитель, эта соната вдруг преображалась в гениальное сочинение. А сейчас мы уже не можем представить себе фортепианную музыку Чайковского без этой сонаты.

Так же и со многими другими произведениями, в частности, с романсами. Как обеднен на концертной эстраде, в записях огромный пласт его творений! Поют одно и то же — как на подбор, словно стоит на страже какой-то «дядя» и распоряжается, отдает команды — только эти названия дозволены — ничего другого вне зависимости от диапазона голоса: начиная от самого высокого сопрано до самого низкого баса — почти одни названия. До чего же обидно! Вспомним подвиг Сергея Яковлевича Лемешева, творческий подвиг — он был первым, кто исполнил все романсы Чайковского (а их — сто с лишним!), после него, правда, опыт был подхвачен другими певцами. Я думаю, что сейчас яркие, талантливые вокалисты, которыми мы располагаем, могли бы, если не сразу во всем объеме, а хотя бы поделив романсы тематически, по жанрам, по характеру, представить общими усилиями всю панораму художественной мысли автора в этой области музыкального искусства.

Это побуждает меня обратиться со словами призыва к исполнителям: пусть юбилей Чайковского даст нам возможность «озвучить», вдохнуть жизнь в принадлежащие его перу многие творения, которые в клавирах, в партитурах лежат пока на полках библиотек и частных собраний. Напомню тривиальную истину — без исполнителей музыка мертва. И от всех нас — дирижеров, певцов, инструменталистов — интерпретаторов музыкальных сочинений зависит их успех, их авторитет, их жизнестойкость.

КОГДА Чайковский писал ставшие теперь широко известными слова: «Я хотел бы всеми силами души, чтобы музыка моя распространялась, чтобы увеличилось число людей, любящих ее, находящих в ней утешение и подпор», он подразумевал не два-три, пять, десять названий, а все созданное им. Ведь у композитора всегда особый подход к тому, что он сочиняет и сочинил. Нередко случается — то, что завоевало уже популярность, для автора становится не столь уж дорогим. А вот к тому, что непризнано или не исполняется, он относится с особой нежностью и заботой, как к болезнному дитяти. Это я очень хорошо понимал, поскольку сам творческий человек. В данном случае, применительно к наследию Чайковского, мы просто обязаны это понимать и осуществлять. Право же, результат получим отменный — не сомневаюсь!

Сказанные слова обращены не только к соотечественникам, но и к зарубежным коллегам, ибо и во всех других странах звучит лишь малая толика того, что создал Петр Ильич Чайковский. Этот юбилейный год, совпадающий еще и с проведением очередного традиционного конкурса, носящего это имя, благоприятствует тому, чтобы как можно ярче и многомернее представить творческий облик «виновника» всенародных торжеств. К нам съедутся из разных стран мира

талантливые молодые пианисты, скрипачи, виолончелисты, певцы, и в их конкурсных программах, как и в программах советских претендентов, по логике вещей, должны занять почетное место сочинения гения русской культуры.

И еще одно существеннейшее обстоятельство считаю своим долгом напомнить коллегам-музыкантам. Чайковский был немногословен, но все пожелания интерпретаторам своих произведений он умел превосходно выразить в нотных записях и пометках. Почему же так часто мы слышим не те темпы, не те нюансы в звучании его сочинений. Они были привнесены десятилетиями, возможно, даже из авторитетных источников, но во всяком случае превратились в эдакую «накипь», коросту, подобно ракушкам и водорослям, налипающим к днищу судна. Очистить его музыку от всего лишнего, чужого и новыми глазами взглянуть на клавиры, партитуры, авторские рукописи, думаю, наша сегодняшняя задача.

Мы в советской исполнительской школе, в частности, в дирижерской, боремся с так называемой «сентиментальностью», приписываемой Чайковскому. Я всегда был глубоко убежден, что более мужественного композитора, чем он, трудно найти. Ни о каком сентиментализме применительно к его творчеству в его первозданном качестве не может быть и речи. Это мы, исполнители, привносим в его речь слабость, и в такой настрой достаточно легко власть. Однако откровенность высказывания автора, открытость высказывания, сердечность высказывания отнюдь не равнозначны сентиментализму. Это понятие, противоположные друг другу. И когда снимаешь штампы, стандарты, отсебятину, обнаруживается удивительная простота и чистота, которые доставляют величайшую радость, наслаждение и исполнителям, и слушателям.

И ТАК, год Чайковского наступил. Планы проведения его объемны, многоохватны и в концертной деятельности, и в театральной, и в работе музеев, издательств; в эфирном времени радио и телевидения этому событию уделено достойное внимание. Мечтается о том, чтобы организовать фестиваль оперно-балетных спектаклей Чайковского. Но сумеем ли мы его осуществить? Надо предельно тщательно и разумно проверить силы, просчитать возможности, дабы планы не остались планами.

Эдакое случается: составлять мы умеем — красиво, впечатляюще, а вот выполнять? Что греха таить, причислись мы к пассивности, к «обязательности мероприятий», делать что-то, ибо «так положено», «так принято» или, и того хуже, «так приказано», а не вкладывая пламень сердца. Чайковский всем своим существом, жизнью, искусством заслужил много. Его музыка естественна и вечна, как природа. Нас не будет, но он останется всегда. Без нее нельзя жить, нельзя действовать, нельзя ощущать себя Человеком. Где, как не в его произведениях, мы находим поддержку в счастливые минуты, подпорку в горести. И нежность, и любовь, и мечта, и страстный протест — все-все у него есть. Он обладал тем секретом, какой дан совсем немногим, — открывать души людей без различия их национальной принадлежности. Поэтому голос художника звучит во всех уголках земли. Я абсолютно убежден, если бы существовала жизнь на других планетах, одной из первых туда проникла бы музыка Петра Ильича Чайковского.